

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

M15

Sylvia McNicoll

THE SNAKE MISTAKE MYSTERY

Copyright © Sylvia McNicoll, 2018

This edition published by arrangement with Transatlantic

Literary Agency Inc. and The Van Lear Agency LLC

Cover image: copyright © Tania Howells by permission
of Dundurn Press Limited.

Разработка серийного дизайна *Бориса Протопопова*

Макникол, Сильвия.

M15 Раз ошибка, два ошибка... Дело о трёхголовой змее / Сильвия Макникол ; [перевод с английского И. Тининой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 256 с. — (Детектив, который ошибается. Детективные истории для подростков).

ISBN 978-5-04-111725-2

Стивен и Рене спешат на выручку к новому клиенту «Королевского выгула собак» – Кингу! Сначала Стивен считает, что Кинг – собака, потом – мышь, но... Это, оказывается, домашний королевский питон! Вот так ошибка – ну точно в стиле Стивена. Однако самое страшное в том, что Кинг пропал! Теперь Стивену и его подруге Рене предстоит выяснить, куда в их маленьком городишке могла подеваться огромная змея. И это ещё не всё: кто-то решил подставить «Королевский выгул собак» – всех его клиентов ограбили! В этот раз перед Рене и Стивеном непростая задача – им нужно не только раскрыть несколько запутанных дел сразу, но и во что бы то ни стало спасти репутацию семьи Нобель.

УДК 821.111-93(71)

ББК 84(7Кан)-44

© Тинина Ия, перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111725-2

Книга посвящается Гизеле Тобьен Шерман,
чья боязнь змей вдохновила её на написание «Змеи в моём туалете».

В то время как ошибки и обстоятельства, при которых они были совершены,
вполне реальны, дети, собаки, учителя, регулировщики и соседи вымышлены.
Если вы узнаете себя в ком-то из них, вы ошиблись. Вы молодцы!

День первый

День первый. Ошибка первая

Установилась слишком тёплая для октября погода, а воздух чересчур тяжёлый. Этим утром даже собаки не хотят выходить на улицу. Как будто они знают больше, чем мы.

— Что с ними не так? — спрашивает моя подруга Рене Кобай, волоча через порог Пинга, небольшого джек-рассела, которого Беннеты взяли из приюта. Обычно-то он пулей вылетает из дома.

— Какая разница? Они всё равно пойдут гулять.

Беннеты платят «Королевскому выгулу собак» — службе, которую открыл мой папа, — за двухчасовой выгул собак почти каждый рабочий день. Мы с Рене работаем на папу, у нас есть даже форма с логотипом в виде отпечатка лапы. Обычно мы выгуливаем собак два раза в день: час до школы и час после. Но сегодня суббота. Первый выходной из предстоящих трех. В понедельник у учителей день самообразования и уроков не будет! Два свободных дня — четыре дополнительные прогулки, две

утренние и две вечерние, в субботу и воскресенье. Это значит, будет и дополнительный заработок.

Я тяну через порог Понга, длинноногую борзую Беннетов, тоже взятую из приюта. Обычно Понг первым бежит на улицу и тянет нас за собой. Но сегодня он крадётся по высохшей жёлтой траве с опаской.

Пинг, неуёмный джек-рассел, пучит глаза и упирается, как осёл, не желая двигаться с места.

— Пинг, шевелись! Я серьёзно! — Рене такая же маленькая, как Пинг, и такая же упрямая.

— Малыш, ну пойдём же, — мягко говорю я, сочувствуя ему. — Ты не можешь тягаться с Рене.

Наконец он срывается с места и бежит к Понгу. Мы дружно идём в парк Брант-Хиллз.

Часть неба затянута тучами, но над парком светит солнце. Сначала все ведут себя тихо. Неподвижны даже листья на деревьях, и только мистер Ковальски мельтешит за забором, согнувшись буквой Г. Дети называют его стариком-бегуном. Все, кроме меня: я как-то попробовал, а Рене меня отругала. Мистер Ковальски помог Аггиле, брату Рене, подготовить портфолио для поступления в колледж Могавк. Он удивительный художник. В нашей комнате для гостей висит одна из его работ.

Мы идём по дорожке, ведущей к культурно-спортивному центру. Может, получится спу-

стить собак с поводка на теннисном корте, чтобы они побегали за мячом.

Вдруг ветер срывает с мистера Ковальски чёрную кепку, уносит её выше, затем бросает на землю, и она катится по земле, словно колесо. Она размером с фрисби и украшена надписью «Заплати художнику», буквы которой от движения сливаются, превращаясь в размытую полосу. Пинг бросается за кепкой. Я не знаю, намеренно или нет, но Рене отпустила поводок. Я тоже выпускаю из рук поводок Понга, который пулей летит следом.

Мы бежим за собаками. Пинг хватается кепку в тот самый момент, когда к нему подбегает Понг. Понг открывает длинную пасть и тоже впивается зубами в кепку. Время будто останавливается. Сейчас начнутся рычание и борьба за добычу. Если бы мы только приступили к совместным прогулкам, они бы уже передрались. Но сегодня происходит нечто очень странное. Собаки дружно несут кепку нам. Мистер Ковальски тоже подбегает к нам с Рене.

— Похоже, надвигается ураган, — говорит он, глядя на наползающие со всех сторон тучи. Ветер гнёт молодые деревья так сильно, что, кажется, они вот-вот переломятся. Остатки пожухлой листвы сорвало с веток, и они кружатся возле нас в диком танце. Собак же, наоборот, погода перестала беспокоить. Добытая кепка теперь становится смыс-

лом их жизни. Так же, как искусство для мистера Ковальски. Как только кепка оказывается на расстоянии вытянутой руки от меня, я командую:

— Отдайте! — Понг разжимает пасть. Я протягиваю руку и почти хватаюсь за козырёк, но Пинг резко дёргает головой, а потом наклоняет её, как бы приглашая поиграть.

— Пинг! — Я щёлкаю пальцами. Он мгновенно замирает, но стоит мне потянуться вперёд, как пёс уворачивается.

— Нет, Пинг! Верни!

Пинг трясёт кепку, как грызуна, «убивая» добычу.

Я опускаю руку в карман, где лежат байтсы из печени. Папа делает их сам.

Пинг выпускает кепку из пасти, садится и выжидающе смотрит на меня. Понг садится рядом, приподняв одно ухо.

Папины байтсы просто волшебные! Собаки делают всё, чтобы заполучить их. Я даю каждому по штучке и беру поводки в руки.

В это время Рене поднимает кепку и брезгливо морщится.

— Фу, собачьи слюни, — говорит она и отдаёт кепку мистеру Ковальски.

— Спасибо. Она мне дорога. На ней важное напоминание для окружающих. — Мистер Ковальски переводит взгляд на кепку и улыбается. Затем отря-

хивает её и нахлобучивает на голову. На прощание он касается козырька. — Пора искать, где переждать дождь, — бросает он и удаляется, пыхтя, как очень старательный медленный паровозик.

Мы с Рене смотрим на небо. С начала прогулки не прошло и получаса, а уже грохочет гром, сверкают жёлтые молнии, и тучи заволакивают последний участок ясного неба.

Две огромные капли падают на мои руки.

— Давайте-ка убраться отсюда, — говорю я Рене, переходя на бег.

— Слишком поздно! — кричит она, а капли стучат всё чаще и чаще.

— Шевелись! — Я прибавляю скорость. Стук превращается в барабанную дробь.

Мы мчимся изо всех сил, но ливень оказывается быстрее. Через пару секунд мы уже промокаем до нитки. Собаки начинают походить на болотных чудовищ.

После следующего удара молнии раздаётся настолько сильный раскат грома, что Рене бросает поводок, чтобы прикрыть уши руками. Пинг срывается и бежит. Понг бросается за ним, утягивая меня за собой. Я тоже выпускаю поводок из рук.

Собаки бегут к дорожке, которая отделяет парк от улицы. Добравшись до дороги, они не пересекают её. Молодцы. Так безопаснее. Вот только те-

перь они вынуждены повернуть налево, к моему дому, а не к дому Беннетов. Рене догоняет меня.

Некоторые соседи уже украсили свои дома к Хэллоуину. Но собаки проносятся мимо надгробий и соломенных зомби, даже не пометив их. В итоге Пинг и Понг финишировали у дома гораздо раньше нас. Мы с Рене не бегуны-марафонцы.

Небо раскалывает зигзагообразная молния, за которой следует очередной раскат грома.

— В дом им нельзя. У моей мамы аллергия, не забыла? — говорю я Рене.

— Я и не иду с ними в дом, — отвечает Рене. Её красным очкам не помешали бы дворники, по носу струится вода. Волосы Рене прилипли к голове, а форма, потемнев, — к телу.

Сначала Пинг рычит и переминается с лапы на лапу у двери, а затем прыгает на неё и скребёт когтями. Представление завершается высоким протяжным воем. Я открываю дверь.

— Пап... Пап?.. Пап! — Ответа нет. Я нажимаю на выключатель, но ничего не происходит. Света нет. Папы тоже.

— Электричества нет, — говорит Рене, заходя в дом. Собаки толкаются у наших ног.

Дом буквально сотрясается от раскатов грома и треска молний. Собаки разбегаются по углам, отряхиваясь на ходу.

На кухне звонит телефон. Рене качает головой.

— Помнишь тот выпуск «Разрушителей мифов»? Брать трубку во время грозы опасно.

Несмотря на это, на кухню мы идём вместе. Я делаю глубокий вдох. Мы с Рене не можем отвести взгляд от телефона. На определителе неизвестный номер, но домой могут позвонить только рекламщики и мама. Она стюардесса и сейчас опять на трёхдневной смене. Возможно, это единственный шанс с ней поговорить.

Я поднимаю трубку.

— Стивен, привет, — это и правда мама. — Дело очень срочное. Я буду говорить быстро.

Я снял трубку, и это была первая в тот день ошибка. Но мне так хотелось услышать от неё забавную историю. Любую, но лучше всего о том, как редко молния попадает в людей. Обычно, когда я нервничаю, она рассказывает такие вот смешные штуки, и мы смеёмся над ними вместе. Мне так не хватает её смеха.

Мама продолжает:

— Все рейсы отменены из-за непогоды, у одной пассажирки истерика.

Сейчас мне не хочется слушать ни про какие срочные дела. Папы нет дома, он где-то там, на улице, в эпицентре бури. Электричество отключили. Да и вообще, я должен держаться подальше от всех электроприборов.